

УДК 339.97

О. Н. Яницкий

МОСКВА И ЕЕ РЕГИОН: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

91

Рассматриваются структурно-функциональные трансформации Москвы и региона, инициируемые такими факторами, как изменение способа производства в России в результате «перестройки», а также тех перемен, которые явились результатом комплекса глобальных сдвигов, инициированных Четвертой промышленной революцией (далее НТР-4) и изменением геополитической роли России в современном мире. Важнейшие сдвиги: зависимость от глобальных геополитических перемен, мобильность и ускорение трансформаций, в результате которых снижается способность населения к рефлексии и критической оценке происходящих перемен. Одновременно идет формирование Большой Москвы, сращивание Москвы и ее периферии, углубление разрыва между богатыми и бедными, возникновение феномена «глубинной России», не зависящей от столицы. Москва как социальный институт рассматривает интегрированную ею периферию как «трудовой резервуар» и место для переработки промышленных и бытовых отходов. Возникает социальная асимметрия: Москва богатеет и развивается, а ее периферия беднеет и теряет свой социальный капитал. Вывод: идет интенсивное сращивание природных, социальных и технологических структур и процессов, в результате которых современный мегаполис трансформируется в сложную социобиотехническую (далее СБТ-систему), закономерности формирования и динамики которой еще предстоит изучить. Однако для этого потребуются тесная интеграция естественных, социальных и технических наук и разработка концепции городского метаболизма. Необходимо сформировать этос междисциплинарного исследования, базовыми принципами которого должны быть равенство социальных статусов отдельных наук, интерес к сложным проблемам и способность к взаимопониманию между представителями разных наук.

The article shows various structural-functional transformations of Moscow and its region generated by the changes in mode of production in Russia as a result of 'perestroika' as well as of the results of a combination of global changes triggered by the Fourth industrial revolution (hereafter the STR-4) and by the change in Russia's geopolitical role in the modern world. The author identifies the main trends as Moscow's dependence on global geopolitical transformations, growing spatial and other forms of mobility resulted in a decline of its population's reflection. At the same time, the Greater Moscow is being shaped through the integration of Moscow and its 'periphery', a gap between the rich and poor is widening, and the phenomenon of a 'Deep Russia' independent form Moscow is emerging. Such mega-cities usually see their 'periphery' as the supply of a labor force and the waste processing sites. As a result, a social asymmetry has emerged: Moscow is developing and becoming

wealthier while their periphery has got exhausted and loses its social capital. The general outcome of this process may be seen in an intense merge of natural, social and technical structures that results in a transformation of modern mega-city into a very complex sociobiotechnical system (hereafter the SBT-system) which regularities and dynamics have to be carefully investigated. It requires a close integration of natural, social and technical sciences, and an urban metabolic concept. An ethos of an interdisciplinary study based on equality of social states of different sciences, their interest to study the complex issues and the ability for mutual understanding of various scientists is to be developed.

Ключевые слова: адаптация, глобализация, город, метаболизм, мобильность, НТР-4, структурно-функциональные трансформации, Россия.

Keywords: adaptation, globalization, city, metabolism, mobility, STR-4, structural-functional transformations, Russia.

Введение: цели и задачи исследования

Москва — не только столица РФ, она один из центров мировой геополитики, а также этноконфессиональной и культурной политики. Цель статьи — проанализировать основные структурно-функциональные тренды этой сложной СБТ-системы в ее взаимоотношениях со страной и миром, с одной стороны, и с собственным населением столицы и ее региона, с другой стороны.

В задачи данного исследования входит изучение названных выше характеристик под воздействием смены способа производства и качественно-количественных перемен, связанных с «переходом на цифру». Москве и стране в целом предстоит тройной переходный период: создание индустрии нового типа, существенные изменения в институциональной структуре общества и Москвы, и всеобщий «переход на цифру», плюсы и минусы которого еще только предстоит оценить.

Методология и теория

Структурно-функциональный анализ — основа используемого теоретико-методологического аппарата. Однако конкретные методология и теория зависят от тех задач, которые были упомянуты выше. Политика всегда была концентрированным выражением потребностей экономики, а сегодня еще и глобальной геополитической ситуации. Поэтому, с моей точки зрения, системный подход был и остается основополагающим теоретико-методологическим принципом структурно-функционального анализа. Естественно, что с развитием мира и российского общества сфера применения данного подхода будет изменяться и расширяться. Москва уже давно не географическое, а «системное образование», структурно-функциональные границы которого никогда не совпадали с кольцами городских стен или административным делением на районы.

В течение прошедших 60 и более лет отправной точкой теоретического анализа структурно-функциональной организации Москвы и

многих других крупнейших городов мира бы процесс урбанизации, то есть изменение (увеличение населения) этих городов за счет сельского населения [8, с. 706–707]. Естественно, что процесс урбанизации сопровождался или периодически нарушался войнами, когда часть городского населения устремлялась в деревню, чтобы добыть хоть какие-то продукты питания. Напротив, голод на Волге или на Украине (как в мирное, так и в военное время) стимулировал обратный поток, жители сел и малых городов устремлялись в Москву и другие большие города.

Иными словами, урбанизация — это одна из сторон миграции из села в город, из мирных стран в воюющие и т. д. Например, после Первой мировой войны начался массовый отток европейского населения в США. Это привело к созданию Чикагской школы человеческой экологии [23]. Роберт Парк создал также концепцию маргинального человека, то есть человека на рубеже двух культур, которая актуальна и до сих пор [17–19; 23–25].

Я особо выделяю работы Чикагской школы, так как полагаю, что социально-экологический подход более всего подходит к системному изучению структурно-функциональной организации прошлых и современных городов с коррективами и модификациями, которые внесла в эту теоретическую концепцию Четвертая промышленная революция [28].

Сегодня в условиях НТР-4 методологически изучать любые структурно-функциональные изменения городов можно только в контексте тех глобально-локальных перемен, которые она внесла в жизнь не только РФ, но и всего человечества [15]. Это не значит, что другие факторы, как, например, изменение климата, не имеют значения. Напротив, все глобальные новации социально значимы. К тому же воздействия природных и социальных сил на общественную жизнь всех городов должен быть исследован и учтен. Многие исследователи современных городов, как и автор этой статьи, подчеркивают методологическую и теоретическую значимость исследований городского и глобального метаболизма [27].

Необходима разработка этоса междисциплинарного, то есть интегрального исследования, основами которого должны быть равенство социальных статусов отдельных наук, их общий интерес к сложным (комплексным, гибридным) проблемам и способность к взаимопониманию представителей разных наук.

Этапы изучения структурно-функциональной трансформации мега-городов

Теоретические подходы советских и российских урбанистов и городских планировщиков можно разделить на следующие периоды.

Первый период. После установления советской власти начались интенсивные поиски концепции «идеального социалистического города». В РФ и позже в СССР образовались две группы, развивавшие это направление. Одна группа исходила из того, что нужно взять все лучшее из градостроительного опыта Европы. Таким «образцом» был со-

циальный проект «города-сада», созданный британским ученым и политиком Э. Говардом [22], у которого в дореволюционной России было много последователей.

Второй период. С 1920-х до начала 1930-х гг. наступило время поиска модели социалистического города будущего. Это был редкий в истории советского урбанизма случай, когда развернулась широкая общественная дискуссия по этому поводу, где сошлись в жесткой схватке две диаметрально противоположные концепции: урбанизм и дезурбанизм. В той дискуссии участвовали не только «правые» и «левые», но такие государственные деятели как Г.М. Кржижановский, А.В. Луначарский и Н.К. Крупская, а также Ле Корбюзье, Э. Май и другие европейские урбанисты. К сожалению И. Сталин свернул эту редкую по значимости и разнообразию дискуссию, и Москва отныне должна была стать образцовым социалистическим городом. Но некоторые элементы урбанизма и дезурбанизма были реализованы в ходе строительства Магнитогорска, Сталинграда и других гигантов социалистической индустриализации [12].

Третий период. После Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., нужно было восстанавливать тысячи городов. Развернулось массовое жилищное строительство, тем более что трудились на этом трудовом фронте не только вернувшиеся с войны люди, но и военнопленные. Строились и качественные жилые дома, и деревянные бараки, но это было массовое строительство. Неожиданно, новый Генеральный секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев в 1954 г. развернул повсеместную борьбу с «излишествами в архитектуре». Урбанизм был, таким образом, разделен на «простое строительство» и «архитектуру». Места генплану и районной планировке в этом «гениальном» решении Хрущева не нашлось.

Четвертый период. Это 1960–1970-е гг., которые я называю смешанным периодом. Одно из его направлений – это массовое индустриальное строительство жилых и общественных зданий. В нем скорее не архитекторы и планировщики, а инженеры и гигиенисты играли ведущую роль. Какое бы здание или сооружение ни строилось, его возведение было подчинено Строительным нормам и правилам (СНиП), в составлении которых участвовало множество других специалистов: гидрологи, гигиенисты, теплотехники, специалисты в области строительной физики и техники и многие другие. Эта «команда» ученых и практиков определяла всю градостроительную политику.

В другом его направлении теории в области урбанизма упорно продолжали поиски оптимального «нового элемента расселения» [5]. С моей точки зрения, это было тупиковое направление теоретических поисков, так как всякий, даже самый малый город – это единый организм. Кроме того, такие отдельные, фактически замкнутые элементы расселения никак не вписывались в нарастающий процесс урбанизации страны.

Третье его направление – это попытка реанимировать идею «социалистического быта», где все возрастные категории населения (дети,

работающие, пенсионеры) жили бы отдельно в условиях максимального обобществления быта. Сторонники этой идеи были противниками общепринятой концепции семьи как основной социальной ячейки общества.

Пятый период. Возрос интерес городских теоретиков к структурно-функциональной специфике процесса урбанизации в условиях научно-технической революции [2; 28]. Тогда советская урбанистическая наука лидировала в мире, и этот факт вынуждены были признать некоторые наши зарубежные коллеги. Но для этого потребовались годы упорного труда [17; 18].

Шестой период. Это время неопределенности. С началом перестройки и до сего времени теоретико-методологический анализ процессов урбанизации и градостроительной и политики отошли едва ли ни на последнее место в политической повестке дня РФ. Это естественно, потому что цели общественного развития страны и ее институциональная организация коренным образом изменились. Соответственно, изменялась и структурно-функциональная организация Москвы и других городов. Ее ключевые моменты – это смена социалистического способа производства на капиталистический, выход на первый план целей бизнеса и обогащения, быстрое социальное расслоение общества на бедное большинство [13] и богатеющее меньшинство, резкое сокращение территории и изменение внешней политики, поскольку индустриально развитый Запад стал одним из ориентиров внутренней политики. Соответственно, большие и малые города были обречены на выживание собственными силами, и это им удалось, несмотря на большие производственные и социальные потери.

В известной мере повторялась история 1918–1922 гг., когда население Москвы было вынуждено перейти на «самообеспечение», то есть на различные формы мешочничества и самозанятости [7]. Часто городское население просто было вынуждено расхищать общественные и индивидуальные ресурсы, например, материалы и оборудование заброшенных предприятий и совхозов, сдавать в металлолом все, что «плохо лежит» и т. д.

Именно в тот тяжелый для страны период возникло множество криминальных структур и просто уличных банд, которые позже превратились в крупных и малых «силовых предпринимателей» [11]. «Силовое предпринимательство» есть и сегодня, однако в более скрытых и изоциренных формах. Так или иначе, начался процесс деиндустриализации страны и капитализации нетрудовых доходов. Только после дефолта 1998 г. и ряда других экономических потрясений урбанистическая политика стала возвращаться в государственную повестку дня. Тем не менее все первые постперестроечные годы страна жила за счет добычи и экспорта нефтегазовых и других ресурсов. Производственные мощности еще предстояло возродить или создать заново. Естественно, что в этот переходный период разработать фундаментальную теорию урбанизации этого периода было невозможно. Каждый город и регион страны решал эту задачу по-своему.

Седьмой период. Что происходит с мегаполисами мира в XXI в.? Началось переформатирование структурно-функциональной организации общества и мира в целом как результата НТР-4. Структурно-функциональная организация российского общества должны была адаптироваться ко всему комплексу произошедших перемен. Детальный анализ этого процесса неоднократно производился в ходе международного проекта «Куда идет Россия?» (руководители: академик РАН Т.И. Заславская и профессор Т. Шанин), продолжавшегося 10 лет, но детального анализа его итогов нет до сих пор. Не было еще тогда необходимого эмпирического материала, чтобы комплексно оценить трансформацию СССР в РФ. Хотя этот проект собрал лучшие научные силы России, многие из этих ученых и экспертов все же не смогли системно охватить произошедший перелом.

Именно поэтому академик Т.И. Заславская не была удовлетворена результатами этого перелома, потому что «процессы социальных преобразований, целенаправленные реформы «сверху» сменились спонтанной трансформацией общества, в основе которой лежала борьба интересов множества самых различных групп». Итог, подведенный Заславской, был неутешительным: страна расколота и еще долго будет двигаться в направлении, противоположном мировому развитию. Соответственно, адаптация россиян к переменам происходила на базе нисходящей мобильности [6, с. 392, 395, 397]. В том же направлении происходила и структурно-функциональная трансформация российских мегаполисов.

Что же произошло с российскими мегаполисами? Их, по международным меркам, осталось всего три-четыре: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, но безусловным лидером является Москва. Российские мегаполисы пока не могут конкурировать с такими мировыми центрами, как Нью-Йорк, Лондон или Токио. Я имею в виду не их размер, а ту роль, которую они играют в мировой экономике и геополитике. Это не означает, что Нью-Йорк «лучше» Москвы, однако западные мегаполисы притягивают российскую молодежь и наиболее квалифицированных специалистов более высоким уровнем жизни и широкими возможностями социальной и профессиональной мобильности.

В жизни крупнейших мегаполисов индустриально развитых стран Запада ведущую роль играют транснациональные компании, в РФ таких практически нет. Причем, как отмечают западные урбанисты и социологи, физическая «оболочка» западных мегаполисов под воздействием таких компаний почти не меняется, преобразуется только их социально-экономическая «начинка».

Однако все мегаполисы мира подвержены общим опасностям глобального характера: экономическим и социальным кризисам, изменению климата, перемещению огромных масс мигрантов из бедных или воюющих стран Юга на более благополучный Север. И, как показали недавние события, растет опасность глобального распространения смертельно опасных вирусных заболеваний, которые, в свою очередь, порождают кризисные процессы экономического и социального харак-

тера. К сожалению, у человечества нет коллективной «памяти». Иначе человечество помнило бы, что Первая мировая война унесла приблизительно 20 млн жизней, а последовавшая за ней «испанка» — в пять раз больше!

«Переходный период» к глобальному сообществу, основанному на информационно-коммуникационных технологиях, еще продолжается. Не только РФ, но и весь мир сегодня развивается нелинейно и поэтому предсказывать его ближайшее и отдаленное будущее становится все труднее. Иными словами, мы все уже живем не в мире, где прошлое детерминирует будущее, а в некоем «вероятностном» мире, в котором траектории динамики отдельных стран и целых регионов могут сильно различаться. Мы все живем во все более «открытом» мире, в котором понятие безопасности становится еще более проблемным. Это означает, что подвергается сомнению такое фундаментальное понятие, как «приватность», право на частную жизнь. Наконец, не только сама рыночная конкуренция, но и новые коммуникационные технологии с каждым днем увеличивают мобильность населения. Но разрыв между непрерывно растущей мобильностью части человечества и теми бедняками, которые остаются привязанными к одному месту всю жизнь, увеличивается [21]. Кроме того, столь большое разнообразие событий и мобильность людей стирает из их памяти значимые для них память и памятники культуры. Человеческое восприятие реальности становится калейдоскопическим, коллажным.

Трансформации Москвы и региона в 2000-х гг.

Москва и ее регион стали первым и ведущим структурно-функциональным образованием не только на социально-экономическом и политическом пространстве РФ. Параллельно постепенно возрастала централизация экономики и управления в столице, и этот фактор тоже способствовал росту экономической и политической мощи Москвы.

Разрушение прежней индустриальной системы и медленное формирование новой, лишив население всего московского региона прежних источников дохода, заставило молодых и старых искать работу в столице, что имеет несколько долговременных последствий. Одно из них — это превращение столицы в разновидность «спального района», когда значительная часть трудоспособного населения близлежащих городов и деревень превратилась во временных мигрантов: две недели здесь — две недели дома.

Напомню, что до распада СССР наша страна считалась самой образованной страной мира. Но работа в торговой сети или на овощных базах грузчиками или продавцами не требует образования. Этим очень уставшим молодым людям из прилежащего к столице региона Москва как центр образования, науки или культуры не интересует. Им нужен хоть какой-то заработок, до и только.

Москвичи сегодня разделились на две группы: массу трудящихся и немногих богатых молодых бездельников, — естественно, что эти группы являются антагонистами. Последние настолько укрепились в сознании своего превосходства, что не стесняются публично называть первых «нищобродами».

Но дело не только в богатых бездельниках. Сегодня возможно купить или построить себе усадьбу размером от двух до четырех га в старом центре города. Усадьбу совершенно изолированную от остальной городской жизни, со всеми необходимыми удобствами и службами, с охраной и т.д. Более того, в самом центре старой Москвы уже появились улицы с подобными усадьбами. Такие улицы журналисты прозвали «золотой милей».

В столице реализуется обширный план «реновации». Публично он обосновывается необходимостью замены ветшающего жилого фонда хрущевских пятиэтажек. Массовое переселение населения старой Москвы на ее периферию неизбежно разрушит сложившийся образ жизни людей. Для инженеров и властных структур – это мелочи жизни, которые легко преодолеваются. Это так, если вам 20 или 40 лет. А вот если вы пенсионер и, тем более, прикованный к инвалидному креслу, то такое переселение становится проблемой выживания. И жалобы от «переселенцев» в Большую Москву уже поступают: нет необходимой транспортной доступности к месту работы, нет озелененных мест, автостоянок недостаточно и т.д. Особенно если учесть, что Большая Москва застраивается сорока- и восьмидесятиэтажными жилыми домами.

В 2011 г. был утвержден план «Большой Москвы», в результате чего ее территория увеличилась в 2,5 раза! Удивительно, что в основу этого плана был положен проект «Большой Москвы» инженера С.С. Шестакова, созданный им в 1921–1925 гг. Во-первых, почему такое ответственное дело решили без широкого общественного обсуждения? Во-вторых, почему в основу нового плана Большой Москвы был положен инженерный план, хотя в СССР и в РФ существовал специальный для таких дел Государственный институт проектирования городов? Как можно было взять за основу план 1921–1925 гг., когда экономическая и социальная ситуация в стране была иной?

Исторически Москва имела радиально-кольцевую структуру, и ломать ее не имеет никакого смысла, не говоря уже о том, что эта структура влияет на формирование структурно-функциональной организации всей жизни московского мегаполиса. Планируемые и уже строящиеся сегодня транспортные магистрали, разрезающие эту радиально-кольцевую структуру, кардинально не улучшат положения, потому что отношение «автомобиль – дорога» это некий вечный двигатель: чем лучше и свободнее дорога, тем больше на ней автомобилей.

Реализуемые сейчас программы «Моя улица» и «Мой район» в основном посвящены благоустройству этих элементов городской инфраструктуры, они выполняются часто недостаточно квалифицированными бригадами строителей и озеленителей, а не самими жителями этих улиц и районов. Несмотря на огромную территорию Новой Москвы и существовавший поначалу план вывода туда комплекса правительственных зданий, центр Москвы так и остался политическим центром всей страны со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Одновременно Москва все больше становится торгово-развлекательным центром, а библиотеки, ВУЗы и научные учреждения выводятся на периферию города. Неужели «вирус» потребительской куль-

туры и образа жизни так быстро овладел нашим сознанием? На мой взгляд, дело в другом. Непрерывная и назойливая реклама по радио и на телевидении вытесняет из сознания людей интерес к научным и культурным событиям.

Наконец, еще один тренд. Хорошо, что в Москве непрерывно происходят международные конференции и встречи самых разных специалистов, о международных спортивных мероприятиях и говорить нечего. Но, работая в науке уже более 50 лет, я никогда не слышал, чтобы кого-нибудь из молодых ученых послали на стажировку за рубеж на год или два за счет института, в котором он работает.

НТР-4 и отношения «центра» и «периферии»

99

НТР-4 принципиально изменяет структурно-функциональную организацию мегаполиса. В условиях НТР-4 человек живет и действует в двух пространствах, материальном и виртуальном. Материальное пространство — это пространство физическое, с фиксированными социально-пространственными параметрами. Это не значит, что оно всегда стабильно, но оно каждый раз имеет определенные характеристики времени и пространства. Например, психологи уже давно пользуются понятием «динамического стереотипа», обозначающим относительно постоянные временные и пространственные параметры образа жизни индивида [1].

Виртуальное пространство организовано и действует вне физического пространства, оно — сетевое по своей структуре и имеет свои информационно-коммуникационные «узлы», которые периодически изменяются. Виртуальное пространство может сжиматься и расширяться, оно может быть доступным любому пользователю или, напротив, быть зашифрованным. Наконец, виртуальное пространство — не только «носитель» или средство передачи информации или средство коммуникации, оно является орудием производства и может обладать страшной разрушительной силой. Это пространство способно нести знания или оказывать давление на нежелательного противника.

Поэтому если политический центр всегда ассоциируется с Москвой, то бизнес и вся другая жизнь становится все менее привязанной к определенному месту в столице. И одним из главных стимулов подобной «мобильности» являются именно информационно-коммуникационные сети и их узлы. Они не только принуждают людей к частой территориальной мобильности, но и дают возможность работать «дистанционно», не связывая себя с определенным местом жительства. Кроме того, растет контингент «вахтовиков» самых разных профессий, которые периодически мигрируют между домом и работой.

Понятия «центра» и «периферии» периодически изменяются: развиваются науки и собственно информационное производство, другие виды деятельности, растет число мест периодического или постоянного отдыха или развлечений, на смену старшим приходит новое поколение с иными интересами и потребностями.

Но если вернуться к России, то в ней сегодня достаточно четко прослеживается различие «центра» и «периферии». В данном случае я имею в виду то, что урбанист и теоретик архитектуры профессор В.Л. Глазьев [4] назвал «глубинной Россией».

По моим представлениям, эта та Россия малых городов и населенных мест, которая не зависит напрямую от Москвы, а живет жизнью, основанной на самообеспечении. В этих малых городах и поселках идет собственная жизнь, со своими интересами, правилами и сообществами. Есть среди них такое уникальное явление, как город Мышкин, который «сделал себя сам», возвысившись до роли одного из городов России, входящих в Малое Золотое кольцо страны не без участия столичных ученых [16].

Наконец, по факту, Москва как совокупный социальный институт рассматривает интегрированную ею периферию как «резервуар» для захоронения или переработки промышленных и бытовых отходов.

Выводы

Таким образом, жизнь современного мегаполиса может лишь условно называться «городской» в привычном смысле. Чем дальше, тем больше мегаполис живет глобальной жизнью, которая непрерывно изменяется. Хотя здания, сооружения и дороги остаются на тех же местах, реальная жизнь все больше перемещается в виртуальном пространстве. Конечно, люди где-то едят, спят, порой встречаются лицом к лицу и даже создают семьи, однако большая часть их жизни происходит в другом пространстве, которое к тому же также может сжиматься и расширяться, благодаря виртуальным сетям. Эта ситуация не исключает того, что в критических условиях природных, социальных или техногенных катастроф масса людей будет стремиться избежать зоны их поражения или же где-то спрятаться. Однако понятие убежища сегодня также является относительным, потому что на планете уже не осталось или очень скоро не останется абсолютно безопасных мест.

Понятие современного мегаполиса, будь то Москва или Нью-Йорк, становится относительным, и эта относительность их нормального или критического состояния способна неожиданно изменяться самым непредсказуемым образом. Множество стран предпринимает сегодня беспрецедентные усилия, чтобы предотвратить пандемию коронавируса, но именно вследствие всеобщей зависимости и взаимной проницаемости стран, городов, потоков мигрантов или туристов и просто круговорота веществ в биосфере обеспечение стопроцентной безопасности сегодня уже невозможно.

Я не призываю к торможению науки, но люди должны знать, что созданные ими гибридные биологические культуры, социальные силы или же технические средства могут обернуться гибелью всего живого на Земле.

В итоге складывается такая картина. В виртуальной сфере идет непрерывное переформатирование сетей и их узлов, а на Земле сохраняется «россыпь» относительно малых, мобильных в плане их взаимоот-

ношений с внешним миром, но стабильных человеческих сообществ. Современные мегаполисы — это сложные, многосторонние комплексы с неравноправной периферией. В них идет интенсивное сращивание природных, социальных и технологических структур и процессов, в результате которых современный мегаполис трансформируется в СБТ-систему, которую еще предстоит изучать. Однако для этого потребуются тесная интеграция естественных, социальных и технических наук и детальная разработка концепции городского метаболизма.

Статья написана при поддержке Российского научного фонда, проект «Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов: построение комплексной междисциплинарной модели и стратегий формирования “зеленых” городов России», грант №17-78-20106.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980. С. 268.
2. Ахиезер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. №2. С. 43–53.
3. Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. СПб., 2012. С. 352.
4. Глазычев В.Л. Глубинная Россия: 2002–2003. М., 2003. С. 335.
5. Гутнов А., Лежава И., Бабуров А. и др. Новый элемент расселения: на пути к новому городу. М., 1966. С. 256.
6. Заславская Т.И. О смысле и предварительных итогах российской трансформации // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003. С. 390–397.
7. Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В.А. Ядова. М., 2010.
8. Коган Л.Б., Покишишевский В.В. Урбанизация // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 706–707.
9. Лисичкин Г. План и рынок. М., 1966. С. 96.
10. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М., 2003.
11. Мяло К. Время выбора. Молодежь и общество в поисках альтернативы. М., 1991. С. 254.
12. Сабсович Л.М. Города будущего и организация социалистического быта. М., 1929.
13. Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М., 2003.
14. Хазанова В.Э. Советская архитектура первой пятилетки. Проблема города будущего. М., 1980. С. 373.
15. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2017. С. 208.
16. Шомина Е.С. Самоорганизация жителей на локальном уровне // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под. ред. Л. И. Якобсона. М., 2008. С. 263–289.
17. Яницкий О.Н. Урбанизация и социальные противоречия капитализма. Критика американской буржуазной социологии. М., 1975.
18. Яницкий О.Н. Взаимодействие человека и биосферы как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1978. №3. С. 75–83.

19. Яницкий О.Н. Методологические вопросы исследования социально-экологических проблем // Вопросы философии. 1982. №3. С. 91 – 99.
20. Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика, 2013. №3. С. 6–32.
21. *Bauman Z. A Chronicle of Crisis: 2011 – 2016.* L., UK, 2017. P. 163.
22. *Howard E. The Garden Cities of Tomorrow.* L., 1965.
23. *Park R. E., Burgess E.W., McKenzie R. D., Wirth L. The City.* Chicago, 1926.
24. *Park R. Migration and the Marginal Man // American Journal of Sociology.* 1928. Vol. 33. P. 882 – 893.
25. *Park R. Human Communities. The City and Human Ecology.* Glencoe, 1952.
26. *Stokols D. Social Ecology in the Digital Age. Solving Complex Problems in a Globalized World.* Univ. of California, 2018. P. 399.
27. *Wolman A. The Metabolism of Cities // Scientific American.* 1965. №213 (3). P. 178 – 193.
28. *Yanitsky O. Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice // International Social Science Journal.* 1982. Vol. 34, №3. P. 469 – 480.

Об авторе

Олег Николаевич Яницкий – д-р филос. наук, проф., Федеральный научно-исследовательский центр социологии РАН; Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия.

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

The author

Prof. Oleg N. Yanitsky, Federal center of theoretical and applied sociology of the Russian Academy of Sciences; Kazan Federal University, Russia.

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru